

И.В. ВЫДРИН

ОСНОВНОЙ ВОПРОС РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА, ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА

Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник.
Москва: Проспект, 2019. — 768 с.

***Аннотация.** Статья посвящена анализу учебника «Конституционное право России», написанного профессором Б.С. Эбзеевым. Подготовленный на широкой научно-методологической основе, большой источниковой базе, учебник будет полезен для всех, кто интересуется российской конституционно-правовой проблематикой. Именно в таком, проблемном ключе поданы основные положения книги, написанные на точном знании российского законодательства и конституционной практики. Отмечается насыщенность издания обобщающими авторскими суждениями и выводами, удачная структурирование учебника, его выразительный язык.*

***Ключевые слова:** конституционное право, отрасль права, Конституция, конституционализм, демократия, гражданин, Российское государство.*

MAIN ISSUE OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: RELATIONSHIPS OF THE PERSONALITY AND SOCIETY, THE CITIZEN AND THE STATE

[Review of the book: Ebzeev B. Constitutional Law
of the Russian Federation.
Moscow: Prospect, 2019. 768 p. (In Russ.)]

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the textbook “Constitutional Law of the Russian”, written by Professor B.S. Ebzeev. A textbook prepared on a broad scientific and methodological basis, a large source base, will be useful for anyone interested in Russian constitutional legal issues. Exactly in that, problematic vein served principal ideas of the book, written on an exact knowledge of Russian legislation and constitutional practice. The*

ВЫДРИН Игорь Вячеславович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург

publication's saturation with generalizing author's judgments and conclusions, the successful structuring of the textbook, and its expressive language are noted.

Keywords: *constitutional law, branch of law, Constitution, constitutionalism, democracy, citizen, Russian state.*

Б.С. Эбзееву, автору учебника «Конституционное право России», свойственно передавать «трудные вещи» доступным для восприятия научно-публицистическим, к тому же емким и выразительным языком. В случае с данной работой он себе не изменил. Рецензируемый труд относится к категории учебников, представляющих собой не лаконичный конспект лекций (а такие книги все больше входят в моду), а подробное, логически выстроенное и хорошо аргументированное повествование, знакомство с которым полезно и интересно одновременно.

Учебник позволяет, с одной стороны, наблюдать за проблематикой современного российского конституционного права с позиции маститого ученого, прошедшего большой и славный путь в юридической науке, с другой, — посмотреть на нее взглядом конституционалиста-практика с первоклассным послужным списком и огромным опытом работы. Б.С. Эбзеева трудно назвать кабинетным ученым, он — профессионал, представлявший и до сих пор представляющий разные ветви государственной власти: судебную, исполнительную и избирательную. Последнюю тоже можно принять за самостоятельный властный сегмент, пусть и в абстрактно-теоретическом плане. Огромная «армия» соподчиненных между собой избирательных комиссий, действующих на постоянной основе, тысячи людей, работающих в них, разветвленное законодательство, регулирующие избирательные правоотношения и прочие факторы, служат тому доказательством.

Очевидно, что на становление и развитие конституционного правосудия, проблематику конституционализма вообще и популярной ныне конституционализации, в частности, автор учебника смотрел не опосредованно, и не только сквозь призму своих или чужих книг, а напрямую, в том числе и в мантии судьи Конституционного Суда. В этом смысле мнение человека, хорошо знающего «конституционную кухню» изнутри, всегда интересно широкому кругу читателей, особенно студентам, склонным доверять ученым специалистам, что называется, с опытом.

Видимо, в становлении научных идей, заложенных в основу данной работы, свою роль сыграло и то обстоятельство, что ее автор конституционные начала организации и функционирования региональной власти постигал на должности Президента Карачаево-Черкесской Республики. Допускаю мысль, что на том столь же важном, сколь и непростом посту конституционные воззрения Б.С. Эбзеева могли претерпеть определенные изменения. Ведь исполнительная власть менее всего склонна теоретизировать и искать корень социальной или хозяйственной проблемы в идее прав человека, в

либеральных или консервативных моделях развития общества, что по определению характерно для ученого-конституционалиста.

В настоящее время автор учебника испытывает на конституционную прочность российскую избирательную систему, к которой накопились разные претензии, в первую очередь в плане доверия к ней со стороны части гражданского общества. И чем дальше от первых российских выборов, основанных на принципах подлинной демократии, тем громче раздаются сомнения в правильности подсчета голосов и установлении результатов выборов, действенности самих принципов избирательного права в современной России.

Говорю об этом не для того, чтобы лишний раз рассказать о жизненном пути создателя нового учебника, а для необходимого пояснения: я намерен в первую очередь подвергнуть анализу именно эти главы. Охватить вниманием столь объемную во всех смыслах книгу (760 страниц) в рамках лимитированной статьи вряд ли возможно, хотя учебники по конституционному праву редко бывают короткими, особенно в случаях, когда автору есть что сказать.

Рецензируемый учебник отличается своими конструктивными особенностями. В нем восемь крупных блоков, которые можно было назвать разделами или частями (как это обычно и делается), но автор отказался от этого, скорее всего давая возможность читателям пофантазировать на данную тему. Блоки дробятся на двадцать восемь глав, те в свою очередь — на сто двадцать четыре параграфа. Отдельные структурные фрагменты книги получили, по нашему мнению, яркие заглавия: «Конституционализм и демократия», «Народ в конституционном строе», «Верховная государственная власть и личность в раннем российском конституционализме», «Права человека и гражданина — императив конституции», «Государство как высшая форма сознания народа», содержащие едва уловимый публицистический оттенок. Впрочем, обычных, распространенных в конституционной науке заголовков и терминов, все равно много больше. Таков жанр научной литературы.

* * *

Содержание книги составляет глубокое исследование по большей части традиционных конституционно-правовых отношений, регулирующих их норм институтов, политико-правых явлений и феноменов, словом, всего того, что органично образует предмет отрасли конституционного права в его современном звучании. Однако, зачастую они изложены по-новому, в оригинальной авторской трактовке уже сложившихся подходов и представлений.

В качестве примера приведу суждения автора, относящиеся к соотношению понятий «государственное право» и «конституционное право». Нередко специалисты просто отмахиваются от этого вопроса, отождествляя оба понятия. Между тем, вопрос этот необычен, хотя бы потому, что далеко не каждая отрасль права с учетом обстоятельств места и времени меняет свое

имя, как это случилось в России. Тем более, когда речь идет о конституционном праве, наделенном «брендом» главной (ведущей, фундаментальной и даже транснациональной) отрасли права. Но если ведущее правовое образование отказывается от своего прежнего наименования, значит, в этом феномене есть то, что требует пояснений. И они существуют. Одни ученые кардинально разводят эти понятия, другие соотносят как целое и его часть, а профессор Эбзеев предлагает собственное видение данного вопроса: «Государственное» и «конституционное» право представляют собой различные качественные стадии исторического развития данной отрасли права — ее прошлое и настоящее» [1, с. 12].

Суть полемики вокруг наименования данной отрасли права автор представил как отражение «существенно различных представлений об организации публичной власти и пределах ее вторжения в различные сферы общественной и индивидуальной жизни, т.е. границах государственно-правового регулирования» [1, с. 12]. Упорное нежелание отказаться от старого наименования отрасли автор называет анахронизмом, а не верностью традиции. Поэтому речь идет не о терминологических предпочтениях, утверждает он, а о соответствии понятийного аппарата науки природе отрасли права [1, с. 19]. Словом, автор нового учебника выступает решительным сторонником конституционного права во всех смыслах этого многозначного явления: в терминологическом, содержательном, понятийном и в других его оттенках.

Новацией стали фрагменты учебника, посвященные социологическим и естественно-правовым основаниям конституционного права [1, с. 19–26]. Насколько нам известно, прежде такие попытки не предпринимались, что связано с недостаточным вниманием науки конституционного права к правовым, социальным и иным моментам возникновения и становления одноименной отрасли права вообще. Об этих факторах, как правило, упоминается вскользь, поверхностно, без должной аргументации, а в качестве ключевого условия обычно называют появление конституции в качестве основного закона государства в эпоху буржуазно-демократических революций.

Социологической основой (фактором или предпосылкой) конституционного права, по мнению автора учебника, выступают «свободный, гарантированный в своем достоинстве человек, суверенный народ, сильное государство, способное своим позитивным правовым воздействием покрывать всю территорию страны и различные сферы социальной жизни» [1, с. 22]. По его же версии, естественно-правовые основания отрасли конституционного права определяют принципы конституционного устройства Российского государства и общества, которые реализуются устанавливаемым Конституцией позитивно-правовым порядком. Сила таких принципов прямо признается Основным Законом. Они обязывают законодателя, исполнительную власть и правосудие. Конституция, предусматривая непосредственное действие прав и свобод человека, обязывает правосудие гарантировать их в своей деятельности. «В правовом государстве — отмечает автор, — не может

быть отказано в защите общепризнанных прав на том основании, что они не воспроизведены в конституции» [1, с. 26].

На наш вкус, в качестве дополнительного фактора становления отрасли конституционного права и самой конституции, как основного закона, выступили подоспевшие к тому времени социально-политические идеи вроде разделения властей, народного представительства, прав и свобод человека и гражданина, постепенно приобретшие значение конституционных принципов или, как сейчас принято говорить, конституционных ценностей. Бывшие первоначально плодом размышлений, игрой ума английских философов и французских просветителей, они стали интеллектуальной основой конституций, вплоть до того, что ни одна из них сегодня не может считаться «правильной» без закрепления этих ценностей.

Оригинальным получился раздел, названный автором «Основной вопрос современного российского конституционализма». В том смысле, что ранее таким вопросом как-будто никто не задавался, тем более в виде отдельного параграфа объемом в несколько страниц. А действительно, существует ли такая проблема вообще и в чем она заключается? Автор не только задает соответствующий вопрос, но и дает на него ответ. Главную проблему современного конституционализма в ее российском варианте он видит в такой государственно-правовой организации общества, которая сочетала бы сильное государство и прочный правопорядок со свободой личности. Примерно такую же формулу «идеального» государства полтора столетия назад предлагал профессор Б.Н. Чичерин, в свое время на долгие годы ставший ее апологетом и горячим пропагандистом. За что, кстати, и пострадал: был смещен с должности московского городского головы новым императором Александром III, не жаловавшим, в отличие от своего батюшки, конституционные проекты. Словом, с практическим внедрением данной идеи в российскую реальность пока не очень выходит. Ни тогда, ни, к сожалению, сейчас.

* * *

Достижение баланса между сильной властью и свободной личностью Б.С. Эбзеев усматривает в конкуренции коллективистских и индивидуалистских начал. «Главное, — признает автор учебника, — адекватно определить природу взаимоотношений личности и общества, гражданина и государства» [1, с. 27]. Не могу не заметить, что параграф, содержащий развернутый ответ на то, что есть главный вопрос конституционализма, представляет собой наиболее сильный фрагмент издания. Написанный выразительным, зачастую афористичным языком, он в перспективе может быть разобран на цитаты. В качестве иллюстрации приведу примеры: «Попытка посадить коллективизм на скамью подсудимых столь же бесперспективна, как и призвать к суду научной философии индивидуализм» [1, с. 29]; «Конституция есть форма и способ легитимации социального согласия и партнерства, а не средство обеспечения социального превосходства» [1, с. 30]. Полагаю,

что «эбзеевский» слог способен увлечь многих, даже тех, кто считает конституционную материю невообразимо скучной. Представляется, что ответ автора на поставленный им вопрос получился по всем статьям убедительным. Возможно, существуют и какие-то иные варианты ответа на него, но позиция автора ясна и понятна: гармоничный союз государства и личности, общества и человека таит в себе большой позитивный потенциал, идущий на пользу страны и ее граждан.

Интересны авторские суждения, касающиеся конституционного строя, его эволюции как политико-правового, социального и научного явления, расширения сферы его распространения от государства и его институтов в направлении гражданского общества. Учебник фиксирует данный процесс следующим образом: «Сегодня конституционный строй покрывает не только политическую сферу, как это было в эпоху раннего европейского конституционализма, но также социальную, экономическую, духовную организацию общества и представляет собой только такой публично-правовой порядок, которым упорядочивается не только область публичных отношений, но и все сферы жизни общества в целях свободы и справедливости» [1, с. 195].

Цели, способствующие правовому выражению принципов свободы и справедливости в государстве и обществе, без сомнения благородные, а конституционный строй, базирующийся на них, представляется едва ли не идеальным. Но конституционный строй — всегда правовой по своей сути, а значит, с распространением его ареала ширится (множится, углубляется) действие правовых норм, закованных «в броню» законов и подзаконных актов. В идеале они должны впитать в себя конституционный дух, в котором ощутимо улавливаются «ароматы» свободы и справедливости. В настоящее время примерно так и рисуется (хотя может быть и не в таких красках) процесс конституционализации разнообразных и многогранных общественных отношений.

Право надвигается на все новые сферы социальной деятельности, нормирует и лимитирует ее, подчиняет правилам и процедурам, переводит социальные отношения в правоотношения. Сомневаюсь, что этот процесс всегда является тем, что сейчас принято называть конституционализацией, но вот юридизацией общественных отношений охарактеризовать его точно можно. Под действие законодательных норм подпадает сегодня все и вся, под юридические определения загоняются вещи (явления, предметы), кажущиеся настолько обыденными, что их правовое оформление прежде могло бы показаться абсурдным. А между тем, в настоящее время ни одни правила благоустройства, принятые на муниципальном уровне, не обходятся без формализованных понятий «дерево», «цветник», «газон», «тротуар». Отсутствие этих определений в нормативных документах в свою очередь не дает возможности применять меры административной ответственности к нарушителям этих правил. Та же самая картина и на иных уровнях правового регулирования. Вопросы возникают сами собой: какова в этой

юридизации доля конституционной начинки, конституционализации как процесса распространения буквы и духа Основного закона на отраслевые правоотношения; и самое главное, подразумевает ли это конституционный строй?

* * *

Безусловный интерес представляет часть учебника, посвященная анализу избирательного права в нашей стране. Интерес, обусловленный в первую очередь членством автора в составе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Хотя предполагаю, что едва ли нынешний статус повлиял на его мнение как ученого-конституционалиста. Автор не отвечает напрямую оппонентам российской избирательной системы в связи с существующей критикой ее недостатков, пробелов и практики применения. Но ответы, пусть и в завуалированной форме, книга содержит.

Российское избирательное законодательство автор квалифицирует как «тщательно продуманное» [1, с. 475], категорически отсекая любые возражения и недомолвки по этому поводу. Он раскрывает нормативным образом зафиксированные способы обуздания «тирании большинства», воспринятые российской избирательной системой. В этом качестве, по мнению автора, предстают: максимально широкий отказ от избирательных цензов и установление всеобщего избирательного права; обеспечение одинаковой ценности голосов избирателей и их равного веса; конституционное закрепление места человека, его прав и свобод в иерархии защищаемых Конституцией ценностей [1, с. 478]. Последнее обстоятельство предопределяет критерии, условия и пределы допустимого ограничения избирательных прав, а в обеспечении равенства голосов избирателей особую значимость приобретает пропорциональная избирательная система, гарантирующая представительство в парламенте не только большинства, но и меньшинства избирателей, а также представительный характер самого парламента.

Из существующих в современной России типов избирательных систем учебник отдает предпочтение смешанному варианту или мажоритарно-пропорциональной системе, как ее именует Конституционный Суд. Она позволяет точнее учитывать не только партийно-политические пристрастия избирателей, то есть отражать в представительном органе политическую структуру общества, но и их персональные приоритеты [1, с. 480]. Потому-то, полагает автор, Россия и вернулась к практике применения избирательной системы смешанного типа.

Книга содержит немало интересных избирательных «сюжетов». Один из них касается обсуждения вопроса о возможности введения в российское избирательное законодательство нормы, обязывающей граждан принимать участие в голосовании. Разговоры на эту тему в последнее время стихли, но в середине 2000-х годов ее «озвучивали» влиятельные российские политики и должностные лица. Автор отрицает голосование как обязанность гражданина,

ибо видит главное в «гражданском чувстве человека, наделенного разумом и волей и способного подняться над обыденностью будней и мелочным личным расчетом» [1, с. 479]. Уважение к демократии, как бы говорит автор, нельзя привить исключительно лозунгами, провозглашающими приверженность свободе и правам человека. Это в общем длительный и непростой процесс формирования «народной воли и гражданской активности».

Завершая обзор данного фрагмента книги, нельзя не упомянуть о том, что автору каким-то образом удалось избежать ссылок на мнение Конституционного Суда по данной тематике. А ведь хорошо известно, насколько часто орган высшего конституционного контроля России обращался к делам по избирательным спорам. Более того, под влиянием его правовых позиций в разное время в избирательное законодательство вносились существенные коррективы, кардинально меняющие представления о праве граждан обжаловать итоги голосования на отдельных избирательных участках, реализации пассивного избирательного права лицами, имеющими в прошлом судимость и т.п. Рецензент склонен думать, что такой подход обусловлен какими-то особыми соображениями автора.

* * *

Учебники по конституционному праву традиционно не обходятся без разделов, посвященных характеристике региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и статусу, с одной стороны, субъектов Российской Федерации, с другой — муниципальных образований, освещая эти темы с разной степенью глубины. Автор анализируемого издания предпочел более подробно остановиться на проблематике местного самоуправления, ограничившись относительно небольшими фрагментами, касающимися правового статуса региональной власти. В этом отношении интересно его суждение относительно «меры автономии» субъектов Федерации в части установления системы органов государственной власти. Она, по мнению автора, ограничена двумя императивными требованиями: во-первых, безусловным характером принципов конституционного строя России, которые «связывают» не только Федерацию, но и каждого ее субъекта; во-вторых, обязательностью для субъектов Федерации общих принципов организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленных федеральным законом [1, с. 652].

Становление в современной России местного самоуправления связывается автором с децентрализацией управления — признанным во всем мире способом решения местных задач. Россия, предпочитавшая в основном централизованное управление делами, в том числе и местными, по сути дважды пробовала встать на самоуправленческие рельсы: во второй половине XIX столетия и в настоящее время. Первая попытка, кстати говоря, успешная, заняла пятьдесят лет, вторая продолжается до сегодняшнего дня.

Из написанных автором на эту тему текстов очевидным является то, что Б.С. Эбзеев — сторонник самоуправленческой идеи и практики. Централизованную систему управления он характеризует не иначе как «порочной», главный недостаток которой кроется в деятельности назначенных сверху правительственных должностных лиц, далекой от интересов и потребностей местного населения. Децентрализация, выраженная в местном самоуправлении, напротив, воспринимается им как «объективная потребность общественного развития и условие благополучия местного сообщества» [1, с. 686].

Анализ современного правового состояния местного самоуправления позволил автору выявить три основные его характеристики. Это, во-первых, одна из основ конституционного строя, то сеть «конститутированный Основным законом социальный порядок, в котором местные сообщества (население муниципальных образований) выступают в качестве публично-правовых корпораций, обладающих властными полномочиями». Во-вторых, форма публичной власти, осуществляемая на основании Конституции и закона местными сообществами граждан в своих интересах и под свою ответственность. В-третьих, это — конституционное право граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения, осуществляемое коллективно [1, с. 687].

Небезынтересна авторская трактовка правовых источников местного самоуправления. Установленная Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» правовая база самоуправленческих отношений в обязательном порядке включает общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации. Без этого, в общем, немислим ни один современный отечественный закон. Ведь согласно Конституции нормы и принципы международного права вкупе с международными договорами составляет неотъемлемую часть российской правовой системы (ч. 4 ст. 15). И все бы ничего, но международные акты в законе о местном самоуправлении «поставлены» впереди Конституции, что вызывает обоснованное недоумение. Ведь российская научная доктрина подразумевает приоритет конституционных норм над международными правилами, что должно выражаться в некоторых формализованных, чисто «внешних» вещах, вроде позиций, занимаемых правовыми источниками по отношению друг к другу. Закономерно, что в этой иерархии (системе) на первом месте мы привыкли видеть Основной закон страны. Но нет, в статье 4 закона о местном самоуправлении все наоборот: Конституция Российской Федерации идет следом за международными актами и договорами. Рецензент убежден, что сделано это по ошибке или недомыслию, поскольку ратифицированная Россией в 1998 году Европейская Хартия местного самоуправления не могла повлиять на расстановку правовых источников в самоуправленческой сфере. Хотелось бы узнать мнение автора по этому вопросу, хотя может и не столь важному на общем фоне актуальных проблем отрасли конституционного права.

* * *

Замыкает книгу крупный раздел, посвященный конституционному правосудию. Учреждение в России органа конституционного контроля автор связывает с обеспечением гарантий Конституции и конституционных гарантий, которые автор аргументировано различает. Под первыми он понимает средства и способы, обеспечивающие стабильность Основного Закона, что является одновременным условием стабильности юридически оформленного им социального порядка. Конституционные гарантии рассматриваются в качестве способов охраны и защиты Конституции от посягательств на нее, от кого бы они ни исходили. Главное назначение этих гарантий усматривает в том, чтобы обезопасить носителей различных индивидуальных и коллективных прав от тех решений и действий государственных органов и должностных лиц, которые являются антиконституционными по существу или не соответствуют Конституции по форме [1, с. 705–706]. Другое назначение конституционного правосудия автор фундаментального труда видит в «разрешении противоречий и конфликтов интересов самых разных социальных субъектов, в том числе индивидов и ассоциаций людей, высшей формой которых является государство» [1, с. 708].

По понятным причинам Б.С. Эбзеев уделяет Конституционному Суду Российской Федерации повышенное внимание. Автор приложил много личных усилий для становления конституционного правосудия в нашей стране. Отсюда его увлеченность данной темой, которая «венчает» его учебник обобщениями, выводами, анализом признаков и многогранных сторон конституционного контроля. На странице 710 в качестве основных характеристик Конституционного Суда он называет: его функциональное предназначение (осуществление конституционного контроля); статус и место в системе разделения властей (судебный орган); основополагающие принципы деятельности (самостоятельное и независимое осуществление судебной власти); процессуальную форму деятельности (конституционное судопроизводство).

Автор наделяет Конституционный Суд двойственной правовой природой. С одной стороны, это орган правосудия, причем высший по своему судебскому статусу, хотя тот и не осуществляет в обычном понимании этого слова надзор за деятельностью иных судов — общей юрисдикции и арбитражных. Составной частью данной характеристики является понимание Конституционного Суда в роли кассационной инстанции в части, касающейся конституционного права, поскольку подавляющее большинство рассматриваемых в конституционном судопроизводстве споров, с точки зрения автора, вырастает из жалобы граждан на нарушение их прав законом, примененным или подлежащим применению иными судами в конкретном деле» [1, с. 710].

С другой стороны, Конституционный Суд — высший орган государственной власти России, который действует наряду с законодательным и

исполнительными органами, но в некоторых отношениях находится выше них. Автор объясняет это возможностью конституционного правосудия нуллифицировать принятые законодательной и исполнительной властью нормативные акты. Суммируя институциональные признаки судебной конституционной власти, он квалифицирует Конституционный Суд в качестве высшего государственного органа, независимого и самостоятельного в «своем конституционно-правовом бытии». Обобщая функциональные параметры Конституционного Суда, автор наделяет его значением высшего судебного органа, осуществляющего свою деятельность в форме конституционного судопроизводства. Причем эту сторону правового статуса он считает доминирующей, что в свою очередь объясняет отсутствие политического подтекста в решениях Суда. «Они не являются актами выражения политической воли, а политически мотивированные обращения в Суд не влекут политических решений» [1, с. 711–712].

Повторюсь, что данная часть учебника представляет собой целую россыпь интересных для специалистов выводов, касающихся взаимоотношений Конституционного Суда с региональными конституционными и уставными судами, квалификации правотворческой функции конституционного правосудия. В этом вопросе, который активно дебатировался и продолжает обсуждаться в науке конституционного права, автор становится на сторону тех, кто полагает, что Конституционный Суд активно «творит» право. Доказательством тому служит присущий ему абстрактный нормоконтроль, неизбежно ведущий к участию Суда в правотворчестве; принадлежащее Суду право законодательной инициативы; его монопольное право толкования конституционного текста; обязательность вынесенных Судом решений; приравнивание части решений Суда к нормотворческим актам других нормотворческих органов [1, с. 713–714].

Вероятно, чтобы окончательно убедить читателей в правоте своей позиции, автор использует выразительное художественное слово: «Суд должен не только применять конституцию и право, но и «находить» право. Суд не маляр, призванный закрасить стену в заранее выбранный цвет, но художник, которому надлежит на стене написать картину. Его инструментарий неизмеримо богаче, чем малярная кисть» [1, с. 714]. После такого аргумента стоит только всплеснуть руками и согласиться с приписываемой Конституционному Суду ролью «квазизаконодателя».

* * *

Завершая рецензирование учебника «Конституционное право России», хочется отметить его логическую стройность, широту методологической базы, обоснованность выводов, точность формулировок, насыщенность нормативными источниками. Без сомнения, это — большой, самобытный и творческий труд, выполненный на высоком профессиональном уровне. Особо отмечу выразительность изложения конституционно-правового материала,

его умелую художественную подачу. Автор справился с поставленными перед ним задачами, а имеющиеся отдельные недостатки, полагаю, с лихвой покрываются многочисленными достоинствами книги.

Можно поздравить автора с выпуском капитального научного труда, написанного во благо отечественной конституционной науки. Выражаю уверенность, что учебник найдет широкого и благодарного читателя.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.